

Максим Горький

Иван Вольнов

Максим Горький

Иван Вольнов

«Public Domain»

1931

Горький М.

Иван Вольнов / М. Горький — «Public Domain», 1931

«Иван Егорович Владимиров – Иван Вольнов, крестьянин, сельский учитель – появился на острове Капри в 1909 или 1910 году. До этого он жил где-то около Генуи, кажется, в Кави-ди-Лаванья, а туда приехал из сибирской ссылки. Сослан был как член партии социалистов-революционеров, организатор аграрного движения в Малоархангельском уезде Орловской губернии, – до ссылки сидел несколько месяцев в прославленном садической жестокостью орловском „централе“, каторжной тюрьме. Там тюремные надзиратели несколько раз избивали его, а однажды, избив до потери сознания и бросив в карцер, облили солёной водой; раствор этот разъел ссадины и раны, оставив на коже глубокие рубцы...»

Максим Горький Иван Вольнов

Иван Егорович Владимиров – Иван Вольнов, крестьянин, сельский учитель – появился на острове Капри в 1909 или 1910 году. До этого он жил где-то около Генуи, кажется, в Кави-ди-Лаванья, а туда приехал из сибирской ссылки. Сослан был как член партии социалистов-революционеров, организатор аграрного движения в Малоархангельском уезде Орловской губернии, – до ссылки сидел несколько месяцев в прославленном садической жестокостью орловском «центrale», каторжной тюрьме. Там тюремные надзиратели несколько раз избивали его, а однажды, избив до потери сознания и бросив в карцер, облили солёной водой; раствор этот разъел ссадины и раны, оставив на коже глубокие рубцы.

В ссылке, в глухой сибирской деревне, он работал батраком у зажиточных крестьян, заслужил их симпатии, и они, по собственному почину, организовали ему побег. Для тех времён это не было исключительным случаем, и говорит это не о великодушии мужиков, а только о том, что они понимали: есть люди, которые делают революцию в интересах крестьянства. Сам Иван рассказывал о побеге приблизительно так:

– Мужики там были – хорошие, грамотные, я довольно плотно укрепился в их жизнь, работал, пропагандировал и о побеге – не думал. Но как-то ночью приходят двое и – обрадовали: «Приехал урядник с бумагой, говорит, что тебя требуют назад, в Россию, там ещё что-то открылось за тобой, и тебе, за грехи, добавить надобно. А мы тебя считаем человеком хорошим, так ты беги! Урядника напоили, спит, проснётся – ещё напоим. Про тебя ему сказано, что ты на охоту вчера ушёл. Лошадь – запряжена, вот он отвезёт тебя; доедешь до своих». Я сообразил, что начальство зря в Москву не потребует, а если потребовало – значит, или каторгой угостит, или повесит. Вешалка мне грозила; я был организатором боевой дружины, участвовал в эсках; получая на юге литературу из Греции, был выслежен шпионами, пришлось стрелять, одного, кажется, ухлопал. Вообще – повесить меня было за что, ну и – кроме того – шея есть. Расцеловался я с приятелями и – айда! Тихонько, черепахой прополз по России; потолкался кое-где за границей, вот – метнуло сюда.

Его спросили, как понравилась Европа. Он отвечал осторожно: «А не знаю ещё! Пестрб очень в глазах и толпёж в голове. Ну, конечно, сразу видишь: здесь настроено, накоплено больше, чем у нас. Землю холят – замечательно!»

В то время ему было, вероятно, лет 25–27; крепкий такой был он, двигался осторожно, тяжеловато, как человек, который ещё не совсем овладел своей силой и она его несколько стесняет. Над его невысоким, но широким лбом – плотная шапка тёмных, туго спутанных волос, на круглом, безбородом лице – карие глаза с золотистой искрой в зрачках, взгляд – пристальный, требовательный и недоверчивый. Маленькие тёмные усы, губы очень яркие и пухлые; физиономисты говорят, что такие губы – признак повышенной чувственности.

Нерешительную улыбку этих очень юношеских губ сопровождал невесёлый блеск глаз, затенённых густыми ресницами, и на краткий момент круглое, грубоватое лицо Вольнова казалось необычным, даже – загадочным. Говорил он вдумчиво и скупое, немножко ворчливо и по складу речи, по манере её часто казался старше своего возраста, а вообще же от его речей веяло свежестью чувства, прямотой, простотой. И чувствовалось, что, относясь к людям не очень доверчиво, он и к себе самому относится так же, в нём как бы что-то надломлено, скрипит и, говоря, он всегда прислушивается к этому скрипу.

В первые недели его жизни на Капри сложность и неопределённость психики Вольнова вызвали в русской колонии острова весьма острое, но не очень дружелюбное внимание к нему. В то время на Капри жила небольшая группа литераторов: Николай Олигер, Алексей Золотарёв, Борис Тимофеев, очень талантливый юноша, изуродованный ревматизмом, который потом

и убил его, жил стихотворец с четырёхэтажной фамилией Любич-Ярмонович-Лозина-Лозинский, человек нервно раздёрганный и одержимый стремлением всячески подчеркнуть себя; он задорно подчёркивал своё дворянское происхождение, вражду к революции, к реализму в литературе и был похож на музыканта, которого заставили играть на инструменте, неприятном ему. Стихи свои он подписывал псевдонимом Любяр, читал их с пафосом, но в то же время с иронической улыбкой и любил говорить: «Жизнь – дурная привычка». Говорил – и много – о Шопенгауэре, о Генрике Ибсене, причём казалось, что он раздувает угли, покрытые пеплом и золой. Молодёжь слушала его весьма охотно и почти никогда не спорила против его поношенных парадоксов. В конце концов казалось, что он говорит не от себя, а по внушению извне.

Почти ежегодно приезжал Иван Бунин; мелькали Новиков-Прибой, Саша Чёрный, Илья Сургучёв и ещё многие. Собралось человек десять живописцев. Всё это была молодёжь говорливая, не очень стеснявшаяся в формах выражения своих ощущений и настроений, склонная «углублять психологию», разрешать «трагическую загадку бытия» и «проблему личности». Все были молоды, жили весело; все были очень бедны, но жизнь тогда была дешёвой, и кисленькое каприйское вино тоже дёшево.

Ивана «загадка бытия», должно быть, не интересовала, так же как и «проблема личности в её отношении к обществу». Он внимательно слушал всё, что говорили, но был не очень словоохотлив. По скучным его рассказам было ясно, что он – человек весьма наблюдательный, способный включать пережитое в твёрдую и точную форму. Как уроженец области коренных «великороссов», он отлично владел афоризмом. Иногда в его речах звучали слова из лексикона его земляка Н. С. Лескова: толпёж, галдёж, угнездился, блезир, скудость, мниться – и много других. Но – спрошенный, любит ли он Лескова – Вольнов ответил:

– Рассказа два-три читал. «Леди Макбет» – очень хорошо, а другие – не помню. Да и – не понравилось, хитрит он и сочиняет на смех кому-то.

Подумав, он добавил:

– Может быть – себе самому. Есть такие, что утешаются смехом над своим и чужим горем.

Вольнов сторонился людей, смотрел на них искоса, исподлобья, веселью не верил и как-то, после пирушки в маленьком кабачке, идя домой, сказал, вздохнув:

– Все какие-то морёные, без вина – не веселятся, хороших песен – не знают. Про революцию говорят, как пасынки про мачеху.

Это было сказано и верно и неверно: веселились и трезвые, потому что веселила молодость, красота моря, буйная сила плодородной земли. О революции вспоминали действительно не очень охотно, но среди этих людей активных революционеров почти не было. Жили интересами искусств и прежде всего литературы: все пробовали писать, читали друг другу рукописи, критиковали, спорили. Иван слушал споры молча, но всегда с таким напряжением, что круглое лицо его каменело, глаза, округляясь, выкатывались, в зрачках разгорался сердитый рыжий огонёк; иногда он тихонько фыркал носом и, взмахивая рукою, точно муху отгонял от лица. Часто он уходил в самом разгаре споров о «смысле бытия». Бывало – спросишь его:

– Вы что всё молчите?

– Я мало читал, не всё понимаю, о чём говорят, что пишут, – отвечал он. – Стихоплёт этот похож на курицу, которая притворяется петухом. Вообще тут все какие-то блаженные, «иже во святых».

Первое время жизни на Капри природа юга Италии интересовала его больше, чем русская литература, и о природе он говорил с завистью, с удивлением, которое часто казалось очень похожим на возмущение.

– Вот бы сюда согнать орловских, а то – сибирских мужиков, посмотрели бы они на землю, на работу! Глядите, черти, здесь на голые камни земля корзинками натаскана, её лопатами пашут, а она круглый год апельсины родит, оливки, бобы. А у вас, там, земля: летом – чугунная сковорода, зимой – саван, под ним – одурь, болота, овраги, чорт её знает что!

И неожиданно он заключал:

– А вы, черти, в бога верите, в какой-то божий разум!

На эту тему он рассуждал часто и так решительно, так озлобленно, что казалось: он сам чувствует бога как силу действительно существующую, но бессмысленную и всегда, во всём враждебную мужику. Рассматривая голубые цветы каменоломки на серых, известковых скалах острова, он с негодованием ворчал:

– Вишь ты, как прёт, чорт её дери! Куда ни ткнись, – везде растёт что-нибудь! На железе расти может. Молочай кустами вырос, а – зачем он? Как насмешка всё это.

И вздыхал, встряхивая кудлатой головою:

– Наши тёмные черти работать здесь долго не привыкли бы! Передохли бы с натуги. Круглый год работать не под силу им. Приникли полгода на печи дрыхнуть.

Кажется, раза два он ездил в приморский городок Алляссио за Генуей; там жил Виктор Черной, человек настолько известный, что вспоминать о нём неприятно.

Ко мне он приходил чаще всего поздно вечером, а то – ночью «на огонёк»; придёт, сядет и, вздохнув, спросит:

– Не помешаю? Вы – работайте, я посижу молча.

Было ясно, что он тоскует, что ему трудно жить. Минуты через две он рассказывал, зажав руки в коленях, покачиваясь, встряхивая головой так, точно на ней была слишком тяжёлая шапка, рассказывал о курных избах орловских деревень, о мужиках, которые уходят в Донбасс, в шахтёры, а возвращаются оттуда, надорвав силы, уже не мужиками, не рабочими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.